

**ONE
CITY
ONE
STORY**

Относительность

Дафни Калотай

2017

CITY OF BOSTON • MASSACHUSETTS
OFFICE OF THE MAYOR
MARTIN J. WALSH

Dear Reader,

It gives me great pleasure to support the efforts of the Boston Book Festival and their annual short story publication, One City One Story. Celebrating and enhancing the role of arts and culture in the lives of our residents has been a top priority of my administration. Recent programs supporting individual artists, prioritizing public art, and working with local institutions to create nontraditional, affordable performance and rehearsal spaces all help integrate art and artists into the daily life of our city.

Initiatives such as the Boston Book Festival's One City One Story also bring the literary arts to our residents where they live, work, and play. Encountering short fiction at farmers' markets, coffee shops, festivals, City offices, and transit stations reminds Boston readers of the centrality of great literature to the life of our city and encourages us all to engage not only with a great story, but also with each other.

This year's story, written by Somerville author Daphne Kalotay, offers a particularly poignant message about resilience and recovery, as well as about the power of storytelling to build connections between people of different generations and backgrounds. I hope this story will inspire reading, reflection, and discussion, and I encourage you to participate in the conversation. As always, print copies of the story are available throughout Greater Boston free of charge in both English and Spanish, as well as online in several additional languages.

Happy reading!

Martin J. Walsh
Mayor of Boston

ВСТУПЛЕНИЕ

Бостонский книжный фестиваль представляет восьмой ежегодный проект Один город – один рассказ, цель которого – приобщение взрослых и подростков нашего города к литературе и создание сознания общности среди жителей города через совместное чтение.

Наша цель – сделать рассказ доступным бесплатно любому жителю города. Распространяя 30.000 копий рассказа Дафни Калотай Относительность на английском и испанском языках, а также предоставляя аудио файлы, файлы, доступные для скачивания, и дополнительные переводы на нашем сайте, мы стремимся зажечь дискуссии, которые помогут раскрыть то огромное разнообразие перспектив и точек зрения, которым богат Бостон. В этом году мы рады видеть Bookbub в качестве спонсора. Если Один город – один рассказ пробудил в Вас энтузиазм к чтению, посетите bookhub.com для тысячи специальных предложений на книги-бестселлеры в электронном формате.

Надеемся, вы прочтёте, насладитесь и примите активное участие в обсуждении рассказа Относительность в местных группах, мероприятиях в библиотеках и на нашем сайте. Если рассказ воодушевит Вас на участие в разговоре и, возможно, даже написание своего собственного рассказа, вопросы для дискуссий и информацию о конкурсе вы можете найти на нашем сайте.

Зайдите на www.bostonbookfest.org/one-city-one-story для подробной информации.

Надеемся, Вы присоединитесь к нам на Бостонском книжном фестивале на Copley Square 28 октября, чтобы лично познакомиться с Дафни Колатай и принять участие в обсуждении рассказа в стиле городского собрания.

Один город – один рассказ: Читай. Думай. Делись.

«Относительность»

Дафни Калотай

Судя по медицинской карточке, Роза Фишер, девяносто девяти лет, проживающая по Бабкок-стрит 124, умирала. Сердце и почки её отказывали, не говоря уже о гноящейся язве на ноге, от одной из тех новых инфекций, которые не поддавались лечению антибиотиками. И всё же, хоспис отправил Розу Фишер домой, когда она в очередной раз настоятельно заявила, что не хочет с ними больше иметь дела.

Роберт, наблюдавший за состоянием Розы Фишер последние четыре года, неловко сидел рядом с ней, лежащей на выданной больницей кровати. «Мы предлагаем бесплатного адвоката», — объяснил он (это было частью сурового разговора, входившего в его обязанности). Он же снова будет следить за её приёмами у врача, доставкой еды, услугами по гигиене и за работниками, что приходили помогать по хозяйству и смотрели за тем, чтобы она пила все прописанные врачом таблетки — хотя сам врач, молодой мужчина по фамилии Тёрли, похоже, особо на них не настаивал.

«Любые юридические документы, которые могут потребоваться», — продолжал Роберт, хотя теперь вдруг эти слова ему показались совсем неуместными. «Наши услуги включают —»

«Принесите-ка мне рекламу из супермаркета».

Голос Розы Фишер, с его ярко выраженными гортанными «р», теперь показался Роберту

не таким уж и слабым. Несмотря на указания делать только то, что входило в его служебные обязанности, он нашел «Воскресный глобус» там, где его бросил социальный работник, приходивший по выходным, и стал листать до гляцевых страниц рекламного вкладыша из «Стар Маркета». Яркие картинки нарезанной дыни, лосося на гриле, зеленого винограда, усыпанного капельками воды. Он протянул вкладыш Розе Фишер.

Она медленно разогнула свой длинный указательный палец. Казалось, будто за последний год её кости вытянулись, стали плоскими. Её грудь вогнулась, а узловатые плечи и локти стали напоминать плечи и локти кукол-марионеток. «На дыню скидка. Если на вид ничего, купите две».

Роберт пытался сидеть неподвижно на жёстком деревянном стуле. «Я уверен, что помощник, который придёт после обеда, с удовольствием...»

«И ещё немного говяжьего фарша. Можно восьмидесятипроцентного, но не меньше».

«Миссис Фишер, я возобновил для вас доставку еды из 'Милз он вилз'». Это он сделал несмотря на её привычку хранить некоторые блюда, иногда неделями, чтобы наглядно доказать Роберту, в его следующий ежемесячный визит, насколько неаппетитно они выглядели.

«Два доллара за один грейпфрут – *воры!*»

«Миссис Фишер, пожалуйста! Доктор Тёрли говорит, что сердце у Вас...»

«Роберт». Роза Фишер легла на кровать, положив рекламные вкладыши поверх вязанного

покрывала. «Доктор Тёрли – очень милый человек, но не очень умный».

Роберт надеялся, что его лицо не выдадо его истинной реакции. Доктор Тёрли был незаменимым медиком в агентстве, так как именно он ходил на вызовы. В этом, казалось, состоял его главный талант.

«Мне нужно Вам кое-что сказать, Роберт». Для человека, подпёртого спинкой больничной койки, Роза Фишер, имела на удивление королевский вид: седые волосы, лишь слегка поредевшие, в чуть помутнённых глазах – трезвый взгляд. «Я вижу Ваша жена Вас не кормит».

В другой раз Роберт в таком случае рассмеялся бы. Он и вправду сильно похудел с тех пор, как родился ребёнок. «Благодарю за беспокойство, миссис Фишер, но сегодня я здесь для того, чтобы поговорить именно о *ваших* планах. Мы предоставляем юриста и другие услуги...»

«Завещание я уже составила, спасибо».

«А, ну хорошо». Ещё оставался открытым вопрос о похоронах, неоплаченных счетах, и о том, кого оповестить о её смерти. Роберт прошёл специальную подготовку для обсуждения такого рода приготовлений. И на самом деле за последние годы уже много раз вёл подобные разговоры, спокойно переходя от пункта к пункту книжки агентства. Однако теперь, само понятие планирования смерти казалось ему непристойным.

Он положил книжку «Своевременные решения» на тумбочку возле кровати, так, чтобы

ей было легко до неё дотянуться. «Может вдруг пригодится. Хотите, я вернусь в пятницу? Тогда у Вас будет время её почитать.»

Не то, что бы ему казалось правильным обсуждать смерть словно простой деловой вопрос. Некоторые клиенты обижались. А такие, как Роза Фишер, показывали полное равнодушие. Возможно, в таком возрасте, смерть уже не пугала. Или может быть, для тех, кто пережил Бухенвальд, Освенцим и хирургическую замену двух бёдер, казалось, что смерть можно было обманывать до бесконечности.

*

Закапали крупные ледяные капли дождя – вот он, апрель, в Новой Англии. Битком набитый трамвай заворачивал на Пакардс-корнер, его колеса протяжно взвизгивали, трясь о рельсы. Роберт видел студентов, прижатых к окнам, безотрывно и без эмоций смотрящих в телефоны. Он достал свой телефон, чтобы узнать, всё ли в порядке у Кейти, но сбросил, когда услышал голосовую почту.

Он заправил шарф под воротник пальто и старался не наступать в холодные лужи с гравием и грязью. Эта часть Коммонвелз-авеню всегда казалась ему серой. В витрине кафе с куриными крылышками на вынос висело от руки написанное объявление: «Срочно принимаем на работу».

После долгих лет одних и тех же шуток, он перестал объяснять людям, спрашивающих о его

работе, кому именно помогает его организация, просто говоря: «Услуги престарелым». *Надеюсь, ты понимаешь, что довольно скоро останешься без работы.*

Число «просроченных» клиентов и вправду увеличилось вдвое только за последний год. Подавая заявление на эту работу, в тот год, когда получил диплом магистра социальной работы, он не знал ещё, что пятая часть всех выживших в Холокосте проживала в Соединенных Штатах. Среди услуг, которые оказывались клиентам Роберта, были посещение на дому, транспортные услуги, психологическое консультирование и выплата трех тысяч долларов возмещения правительством Германии. Начиная с 1952 года, было выплачено почти восемьдесят миллиардов долларов. И, тем не менее, среди многих выживших, проживающих за пределами Германии, пятидесяти тысячам ещё только предстояло подать заявление.

Разумеется, шаг этот требовал экзгумации прошлого, для доказательства содержания в заключении в гетто, или депортации в концлагерь, или укрытия от нацистов более шести месяцев. И, всё-таки, денежная компенсация заставляла выживших выходить из тени. Таких как, Эйб Линдер, следующий в списке Роберта – самый молодой из клиентов компании «Услуг выжившим». Семидесяти шести лет.

Пенсионер, бывший математик, Эйб жил неподалёку, в Брайтоне. Хотя в документах его файла значилось иначе, евреем, он, в

действительности, не был – как он постоянно напоминал Роберту. «Я – швейцарец», – пояснял он с акцентом трансильванского графа.

При этом он желал получить свои три тысячи, плюс двадцать часов в неделю ухода на дому. «Чтоб насолить немцам», как он говорил. Очевидно, ему очень нравился тот факт, что расплачивалось именно правительство Германии. Он не любил немцев так же, как не любил евреев.

Роберт (наполовину еврей, не практикующий) думал, что он не вправе судить. Естественно, Эйб, не был первым клиентом, который с особой яростью презирал всё связанное с катастрофой, определившей всю его последующую жизнь. Как значилось в его документах, Эйб, и ещё семеро еврейских детей, более года прятались в узком пространстве для кабелей и труб под полом физической лаборатории. Когда ему исполнилось двадцать, он эмигрировал в Цюрих, женился и вырастил дочь, которая впоследствии вышла замуж за американца, а когда умерла его жена, перевезла Эйба к себе. Но теперь дочь развелась и уехала жить в коммуну куда-то в Аризону. Эйб снова остался один.

Он жил на первом этаже большого дома с коричневой обшивкой, недалеко от Вашингтон-стрит. На входе – дверной молоток в форме головы льва, с железным кольцом во рту. В квартире – запах индийского карри, доносившегося из невидимой кухни семьи со второго этажа. Роберт сел рядом со своим клиентом за тяжелый деревянный письменный стол, уставленный

устаревшими вещами — кожаный настольный бювар с вложенными в уголки широкими листами бумаги, аккуратная круглая точилка для карандашей с белым прямоугольным ластиком, толстый вращающийся Ролодекс с пожелтевшими карточками. Роберт принялся заполнять документы для выплаты денег немцами. Эйб сидел рядом.

Эйб относился к делу серьёзно. Он не был из тех, что затягивают визиты. Не впадал в пустую болтовню или рассказы о прошлом, когда как другие уходили в воспоминания на полужизне. Им было что рассказать! Но Роберт, эти воспоминания прятал глубоко в сознании, словно страшные сказки.

«Магда Блюм на Дунае»: Они выстроили нас вдоль реки. Я стояла в самом конце. Офицер напротив был очень молод, а я всегда была хорошенькой. Он посмотрел направо-налево, и указал головой, как бы говоря: «Иди». Он меня отпускал! И не выстрелил, когда я уходила. Хотя я слышала, как в других стреляли.

«Ганс Аальденберг в День Освобождения»: Идём мы, значит, узнать, что случилось, куда делся наш суп? Но охранников уже не было — они удрали!

«Младенец Иветт Клиндер»: Когда родился мой сын, есть нам было нечего. Молока у меня не было, дать ему нечего. Я толкла бобы и этим кормила. Животик у него болел так, что я думала, что сама умру.

В этом месте Иветт Клиндер всегда плакала. Пусть в живых её уже два года как не было. Если

бы даже этого захотел, Роберт не знал бы, как отделаться от этих её воспоминаний. Или от всех других. Обрывки истории, которые, по правде говоря, только всё усложняли для работников, пытавшихся поскорее успеть к следующим по списку клиентам. Ганс Аальденберг всегда вставал, опираясь одной ногой на тахту, прочищал горло и громовым голосом начинал пересказывать, словно профессор за кафедрой, в то время как работники по оказанию помощи неловко переминались, украдкой посматривая на мобильники. Магда Блюм как-то раз целых сорок пять минут изливала душу представителю медицинской страховки «Блу Крос Блу Шилд». Ни Роберт, ни представитель не осмелились её прервать.

Не то что бы Роберт винил их за отступления. Зачастую такие воспоминания были неизбежными ямами на любом из путей, по которому не шёл бы разговор. Не попасть хоть в одну из этих ям – невозможно.

Хотя были и такие, для которых эти мрачные истории служили оружием. Они бросали их как гранаты при малейшем поводе к обиде. Некоторые даже мерились своими бедами, как на соревнованиях. *Да она никогда и не была концлагере – вот я была, так была. Или: Ну и что из того, что она была в концлагере? Вот меня сослали, и я родителей в жизни больше не видела. Или: У него хоть брат есть – от моей семьи ничего не осталось!* Равнодушное склеивание клочков такого количества трагедий само по себе становилось преступлением.

Всего лишь три месяца назад подобные

соревнования не вызывали в Роберте ничего, кроме любопытства. Он не мог понять необходимости поиска закономерностей и здравого смысла в тех вещах, которые здравому смыслу не поддавались.

Что же касается таких клиентов как Роза Фишер, которые никогда не вспоминали о своих мучениях, их молчание Роберт всегда расценивал как достоинство. Теперь он не был так уверен. Почему крик на свет за его к тебе жестокость должен считаться менее благородным? У клиентов Роберта отняли семью, детство, всё то, чем они дорожили. У некоторых отняли даже имя.

«Всего лишь номер», говорили они, показывая татуировку на руке. Или, «Меня звали Баумом, но мы поменяли его на Болгар». Даже когда они сами не признавались, Роберт знал об этом по их документам. Стерн стал Стерлингом. Блау стал Боннером. Коун стал Коулом.

«Я не знаю, кому пришло в голову так написать», — указывал Эйб Линдер на состоящую из одних согласных фамилию в документах на возмещение. Неправильно это. Я — швейцарец.

*

«Нам нужно придумать ей имя», — сказала Кейти на второй день их пребывания в больнице Масс Джeneral. На руках у неё была дочь — крошечное создание с идеальным лицом: ротик как у куколки, миниатюрные ушки, носик, и даже крохотные ноздри, вздымающиеся при каждом вдохе.

Имя. В течение нескольких месяцев они

собирали в блокнот на холодильнике те, что им нравились, как какой-то причудливый список продуктов. Это стало своего рода игрой. Необычные: Мокси, Биби, Бижю. Старомодные: Делия, Мэйвис. Глянцево-авторитетные: Слоун, Блейк. Но это крошечное существо... Есть ли на свете имя, которое не задавило бы его? Есть ли такое имя, которое бы не показалось злой шуткой?

Но отыскать это имя им всё же придётся. Им объяснили, почему.

Ни одно из имен в их списке не подходило. Роберт знал, что Кейти думала точно так же. В нём, наверное, заговорил истинный житель Новой Англии, заставлявший составить новый список из тех чопорных, лишённых чувства юмора абстрактных существительных, к которым обращались пуритане, чтобы подготовить своих детей к предстоящим трудностям. *Терпение. Честь. Благодарумие.* Он всё спрашивал себя, стоит ли ему предложить их Кейти, или он этим только усугубит ситуацию.

Задача эта ему казалась невыполнимой. Но что-то придумать им всё-таки придётся. В Массачусетсе не разрешалось хоронить ребёнка без имени.

*

Последней на тот день клиентке, Эмме Клайн, было восемьдесят девять лет. Она жила со своим мужем в Милтоне в доме, где все двери скрипели. Её память слабела; по словам социальных

работников, она стала частенько разговаривать с ними на своём языке. Её муж, как это часто бывало, настаивал, что всё было в порядке. Роберт договорился о специальной проверке.

Специалист должен был приехать пятнадцать минут назад. Сидя рядом со своей клиенткой, Роберт попивал горячий, горький чай, слушая, как вздрагивали окна при каждом дуновении ветра. Когда её муж открыл боковую дверь, чтобы выпустить собаку, Эмма Клайн крикнула ему — её слова, шипя побежали, подгоняемые силой дыхания. Хотя говорила она на немецком, Роберт — нанятый отчасти благодаря элементарным навыкам в этом языке — всё понял. Он должен будет сказать об этом специалисту.

В тот вечер он рассказал о случившемся Кейти за индийским палак паниром из Трейдер Джоуз, приготовленным в микроволновке. Раньше они готовили сразу два пакета, но сегодня делили один, запивая пенистым пивом из стеклянных кружек, охлаждённых в морозилке. «Она предостерегала его, чтобы тот был осторожен, не то его поймают. СС.»

Кейти покачала головой. «Будто бы одного раза не хватило».

«Она начала покрываться потом и её стало трясти. Похоже, ей казалось, что я был одним из них. Я не знал, как её успокоить. К счастью, в этот момент объявился психолог».

«Ага, чтобы начать допрос!» — Кейти тихо, печально засмеялась.

Роберту было приятно видеть, что она смеялась,

и даже, что она просто так непринуждённо говорила о ком-то, кроме их самих. Казалось, что с каждым днём они медленно становились той парой, которой были раньше.

Они договорились не скрывать того, что произошло, как какую-то позорную трагедию. Иногда на вопрос, были ли у него дети, Роберт всё в подробностях объяснял, но потом чувствовал себя виноватым, что навязал свою печальную историю ничего неподозревающим невинным людям. Часто он просто качал головой. Всё, что ни говорили бы друзья и знакомые, узнав о случившемся, всегда казалось ему каким-то неправильным: одни говорили, что скорее всего это было благодатью для ребёнка, которому суждено было вести неполноценную жизнь; другие – что она стала теперь ангелом на небесах; или, что ей никогда не придётся познать жизненных разочарований.

На оттаивающей кружке пива, уже не замороженной, была нелепая эмблема, с Октоберфеста, которая, как и многое другое, казалась немножко глупой – осадком какой-то наивной, беззаботной жизни. Роберт вдруг сказал: «А давай куда-нибудь съездим? Хотя бы просто на длинные выходные, куда-нибудь в тёплое место, Бермудские острова, Багамы». Он давно хотел это предложить, но боялся показаться легкомысленным. Да и его зарплата не позволяла ничего более роскошного. Но ему хотелось, было необходимо сделать что-то такое, что ознаменовало бы разрыв между прошлым и

будущим.

Кейти взяла его руку в свои ладони. Это она была любительницей пляжных отпусков – Роберт, как правило, начинал нервничать. «Чтобы ты обгорел и потерял терпение?» – Она сжала его руку – «Спасибо, дорогой. Я подумаю».

*

Она следовала рекомендациям книг и сайтов: пила белковые коктейли, плавала три раза в неделю. Роберт видел, как она делала предписанные дыхательные упражнения; она даже слушала музыку, якобы подпитывающую развивающийся плод. Казалось, что всё протекало гладко, и тесты ничего странного не показали. Она была довольно молода, так что после пяти месяцев, они перестали делать какие-либо тесты. Но когда у неё начались схватки (на целых два месяца раньше срока, хотя и это ещё казалось не таким страшным) крошечное существо, появившееся на свет, весило всего 1,8 кг и не имело ни рук, ни ног — ни, как они вскоре обнаружили, достаточно развившихся жизненно важных органов.

Когда позже Роберт рассказывал о том, что произошло, никто не мог поверить именно в то, что в эпоху технологий, анализов крови и УЗИ, случившееся было непредвиденным сюрпризом. Будто бы из-за какого-то безрассудства, Роберт и Кейти сами не разглядели очевидных признаков. Но врачи заверили их, что виновных здесь нет. То, что пошло не так, произошло уже после всех

УЗИ и анализов. Они не могли этого предвидеть, и ничего тут не поделаешь. Их дочери просто-напросто не было дано необходимого к жизни.

Правда, как оказалось, она прожила ещё целых пять дней, пока не сдалась окончательно.

*

В пятницу придя к Розе Фишер, Роберт встревожился, увидев её не в постели – а на ногах, опираясь на её четырёхколёсные ходунки. Её голова покачивалась на тоненькой с отвисшей кожей шее, пока она упорно продвигалась в его сторону, а её длинные, как у марионетки конечности, казались несуразно вытянутыми. Из кухни доносился запах чего-то запечённого в духовке.

Роберт повесил пальто на деревянную вешалку и посмотрел на опухшую, перевязанную ногу Розы Фишер, втиснутую в махровый тапочек. Доктор Тёрли не раз говорил, что, если инфекция не успокоится, то ногу придётся ампутировать.

«Вам Медсестры разрешили наступать на эту ногу?»

«Эти ваши медсёстры. Одна толще другой».

На её щеках даже появился лёгкий румянец. Уже подойдя поближе, Роберт увидел ещё, — больше с любопытством, чем с обеспокоенностью — что предраковая родинка, которую они поторопились удалить, уже снова росла на том же месте.

Роза Фишер сказала: «Я сделала Вам мясной рулет в духовке».

«Миссис Фишер —»

«Мне даже не пришлось сегодня ибупрофен пить, Роберт. Проснулась – боли нет. Подумала: Да! Может быть, они правы – и я уже умерла».

Она действительно выглядела лучше, чем когда-либо за все эти несколько месяцев, быть может даже за весь год. Роберт подумал, что странно теперь говорить о «Своевременных решениях».

«Роберт». Роза Фишер медленно двигалась в сторону гостиной на своих ходунках на колёсиках. «Вам нужно хорошо питаться».

В этот момент раздался звонок в дверь. Глаза Розы Фишер округлились. «Мне нужно бежать». И она начала медленно и неуклюже двигаться вниз по коридору.

«Мне открыть?»

Она упорно направлялась в сторону спальни, не отвечая.

В дверь ещё раз позвонили. «Минуту», — крикнул Роберт. Хотя и пошёл в прихожую, ничуть не торопясь. Доктор Тёрли уже сам открыл дверь и клал ключи обратно в коробку с кодом.

«Здравствуйте, Роберт!» — Доктор Терли, широко вышагивая, приблизился, чтобы пожать ему руку. Два коротких и быстрых рукопожатия. Он был в чрезвычайно хорошей форме. Волосы его оставались без намёка на лысину. Это заставляло Роберта чувствовать себя ниже.

«А я как раз собирался уходить», — проговорил Роберт.

«Не забудьте взять с собой мясной рулет!» — выкрикнула из спальни Роза Фишер.

Доктор Тёрли приподнял брови и сценическим громовым голосом сказал: «Это Вы, барышня?» И начал медленно скользить мимо Роберта, громко выговаривая любезности.

Роберт направился на кухню, где на плите стоял мясной рулет, завернутый в фольгу. Она должна быть вынула его перед самым его приходом. Как она умудрилась? Скорее всего социальный работник, приходивший днём, помог ей. Его руки ощутили тепло и мягкость рулета.

Вернувшись в коридор, он снова услышал голос Доктора Тёрли — шутливый, громкий. Роберт сунул голову в спальню, чтобы поблагодарить Розу Фишер и сказать, что он уходит.

«А теперь, послушайте, барышня», — сказал доктор Тёрли, как раз когда Роберт поймал взгляд Розы Фишер и помахал ей мясным рулетом, — «Вам следовало бы слушаться предписаний Вашего врача!»

Роберт поспешил уйти. Останься он, у него бы наверняка вырвалась какая-нибудь грубость.

*

Врач в больнице всегда заплетала волосы в толстую седую косу. Без единой эмоции на лице, объяснив, какая судьба предстояла их дочери, она тихо сказала: «Мне очень жаль».

Это был первый день, в палате, где Кейти ещё приходила в себя. Её слова прозвучали довольно искренне, хотя её уравновешенность, или, может быть, просто типичная манера жителей Новой

Англии, придавали ей вид безразличия. Кого Роберт часто вспоминал, так это больничного священника, парня, который казался слишком молодым для своей работы.

Они не звали его. Они сидели молча, смотря на спящую дочь. Шёл четвертый день, их сотый час рядом с ней. Когда священник остановился возле двери, спросить, может ли он чем-то им помочь — легко, непринужденно, спокойным тоном, что позволяло думать, что он, был родом из Калифорнии — Кейти удивила Роберта, одобрительно кивнув.

«Да, нашей дочери», — сказала она.

Они всё ещё не нашли для неё имени. Слишком болезненна, слишком бесполезна была эта задача. Хоть мысленно Роберт и добавил к тому списку ещё несколько имён (Согласие, или Вера или Милосердие), ни одно из них не подходило.

С гладким лицом и лохматой стрижкой, с завитками на кончиках, по виду священнику было чуть меньше тридцати. Роберту в нём чуялась какая-то праздность, как если бы тот только что вернулся с волейбольных игр. Вероятно, вера придавала его виду безмятежность. Роберт не мог не завидовать подобным людям, не завидовать их убежденности, той, что ему не хватало, чтобы найти хоть какой-то смысл в случившейся беде. Однажды он уже мимоходом повстречался с такой уверенностью, когда в начале их отношений они с Кейти посетили дом Эмили Дикинсон. Простые слова на её надгробии навсегда отпечатались в его памяти: ОТОЗВАНА НАЗАД.

Будто табличка на двери офиса; ушла по срочному делу. Какое чувство уверенности в себе, в своём деле, в своей необходимости. В отличие от Роберта, которому ещё предстояло найти тот великий смысл своей жизни, не говоря уже о смысле его неизбежной смерти. Хотя все его ежедневные труды укладывались в понятие «поставщика услуг», его диплом магистра по социальной работе ещё не вернул вложенных в него затрат. Без зарплаты Кейти, ему было бы практически невозможно содержать их двоих. Они пользовались медицинской страховкой университета Кейти, где она работала библиотекарем.

В больничной палате он ощутил прилив чего-то подобного ревности, когда священник подошел к их спящей дочери. Он выглядел таким молодым и невозмутимым, самым Богом защищённым от прихотей смерти.

Священник непринуждённо встал над колыбелью и опустил на неё свой взгляд— на их несовершенное дитя, с совершенным, кукольным личиком.

Тут что-то промелькнуло по лицу священника, что-то мелко дернулось. Не с тревогой, а скорее от удивления. Даже может быть от изумления. Чего он ожидал? Разве не это крошечное дремлющее существо. Он посмотрел на нее, и, казалось, теперь не просто выполнял ритуал, или те свои ежедневные автоматические действия, а действительно видел их ребёнка, принимал его.

Затем священник несколько раз быстро

моргнул, пытаясь – Роберт понял – не заплакать. Роберт видел, как тот сжал губы, будто сдерживая их дрожь. Даже взяв себя в руки, он всё ещё казался в смятении.

Повернувшись к ним, чуть погодя, он вдруг сказал, с изумлением: «Она похожа на маленькую жемчужину».

Вспоминая о тех днях в больнице, Роберт вновь и вновь возвращался именно к этому моменту. Незнакомец, признавший их ребёнка и ту беду, что сокрушила их маленький мир. Те несколько секунд кто-то ещё разделял с ними горе.

*

В последующие недели погода улучшилась, машина теперь успевала нагреваться на солнце, пока он навещал клиентов. Роберт вдруг понял, что страшно хотел смены времени года. Короткие зимние дни сокращали время на выполнение всех дел, серые снежные лужи отражали его настроение. Теперь же засветило солнце и в воздухе чувствовалось общее облегчение горожан, вместе вытерпевших последние муки зимы.

В ту залитую солнцем послеполуденную пятницу, Роберт заканчивал планирование новой череды врачебных приёмов Ганса Аальдермана. Когда он снова вышел на улицу, солнечный и шумный Кулидж Корнер встретил его легким порывом ветерка. На Бикон-стрит трамвай прозвенел в свой маленький колокольчик и медленно пополз вперёд.

Роза Фишер жила неподалеку. Роберту вспомнилась книжка «Своевременных решений», которую он оставил на столике у постели. Хотя Доктор Тёрли уверял, что к этому времени она уже наверняка умерла, Роберт таких известий не получал. Её улица, Бабкок-стрит, была по пути к его последнему на тот день клиенту.

Подойдя к её дому, он снял шапку и позвонил по домофону. Он долго ждал ответа. Услышав её голос, густой и протяжный, и подумав, что разбудил ее, он почувствовал себя виноватым.

«Нет, конечно же зайти — мне нужно Вас увидеть».

Вместо того, чтобы подняться на лифте, Роберт пошёл по лестнице. Открыл кодовый замок. Пока он снимал куртку, в прихожей было тихо. Он крикнул: «Это я».

«Идите сюда». Её голос донёсся из спальни. Она лежала поверх покрывала. На ней – жёлтый свитер, серые штаны и один белый носок. Другая нога с язвой, сильно опухшая и забинтованная, была подпёрта плотно сложенным одеялом. У другой стороны кровати стояла медицинская тележка с ватными тампонами, бинтами, йодом и большой бутылкой Ципрофлоксацина.

Роза Фишер посмотрела на него, нахмурившись. «Присядьте». Она говорила так, будто под языком у неё был ватный тампон. «Медсестра говорит, что Вы собираетесь в отпуск».

«Да». Роберт посмотрел на её опухшую ногу. «Вам должно быть очень больно».

«Куда-нибудь в тёплые края?»

«На Багамы, на пять дней. А Доктор Тёрли уже осмотрел вашу ногу?»

«Роберт, мне нужно Вам кое-что сказать». Роза Фишер медленно потянулась за кружкой с водой. Помощник, приходивший днём, был известен тем, что оставлял полные стаканы воды на всевозможных поверхностях, чтобы хоть один был всегда в пределах досягаемости. Роберт смотрел, как Роза Фишер пила воду – на это простое действие, вдруг требовавшее больших усилий. Она медленно поставила кружку. И принялась рассказывать.

«В концлагере мы сильно голодали. Тело моё было усыпано болячками. Однажды с одной тележки скатилась луковица. Прежде чем мне удалось до неё дотянуться, её уже схватила другая девочка. Она, как и все мы, умирала от голода – и съела бы сто таких луковиц. Но она, Роберт, поделилась ею со мной. И тогда болячки на моём теле... они все прошли».

Показалось, что она поморщилась. «Миссис Фишер, Вам больно?»

«Роберт, понимаете, почему Вам необходимо питаться?»

Роберт искал ответа на её лице: была ли история объяснением или простым доказательством того, что любой человек может вылечиться? Или же она была адресована именно ему? Он подумал, что один из «поставщиков услуг» должно быть упомянул что-то. Рассказал ей, что произошло с ребёнком. Или, может быть, она просто заметила, что он похудел.

Роберт посмотрел на кружку с водой, на тележку, уставленную лекарствами. Почувствовал, как участился его пульс. И вдруг услышал свой собственный голос: «Четыре с половиной месяца назад у нас родилась дочь. Она была очень больна. Нам сказали, что она не выживет. Но прошло ещё пять дней».

Под конец этих пяти дней он чувствовал изнеможение, ни с чем другим несоизмеримое. Не только его сердце, но и его лицо, его кости, даже глазницы болели. Но несмотря на это, с каждым днём, проведённым в той больничной палате, происходило что-то ещё, что-то росло. Осознание себя отцом и этого крошечного существа – его дочерью.

Роза Фишер вымолвила: «Я Вам очень сочувствую, Роберт».

Ему сразу же стало стыдно. За то, что выгрузил собственную боль перед умирающей женщиной. Но всё же, непонятно почему, он продолжал стоять перед кроватью, сжимая в руках шапку.

Он чувствовал, как разгоралось его лицо. «Её звали Руби».

Иногда, когда он вдруг видел, что Кейти плачет, когда сжимал её плечи и шептал какие-то никчёмные сентиментальные слова, он думал об этом имени, о том, что оно было им словно подарено. О том, с каким теплом оно окутывало их девочку. О том, что большую часть четвёртого дня, и весь пятый, их дитя было Руби, было живой Руби. И что даже родившись не для жизни, она оставалась Руби, той, по которой скучали, которую

так ждали. Иногда это помогало.

«Руби». Роза Фишер тяжело кивнула. «Красивое имя».

Роберт наблюдал за её тяжелой головой, плечами марионетки. Увидит ли он её снова, или возвратившись из отпуска, обнаружит, что ещё одно имя было вычеркнуто из его списка и добавлено в ту другую колонку имён, состоящую из некоторых общедоступных, некоторых секретных, частных, которые ему допускалось видеть?

Он сказал: «Я не собирался говорить о себе. Мне просто хотелось Вас проведать. Ну, мне пора».

«И мне, Роберт.» Протяжный, почти беззвучный смех. Но она всё ещё была здесь.

Об авторе

Дафни Калотай — писательница, живущая в Сомервилле, штате Массачусетс. Её сборник «Бедствие и другие рассказы» стал финалистом в списке кандидатов на премию «Короткий Рассказ 2005», и её роман 2011 года «Русская зима» в год своей публикации завоевал премию «Художественной Литературы Техасской Лиги Писателей». Её самый последний роман, «Чтение с листа», стал победителем книжной премии за «Художественную Книгу Общества Новой Англии» за 2014 год. Она – профессор в Эмерсон Колледже.

Авторское право © 2017 Дафни Калотай.

Перевод рассказа и приложений выполнен Адель Фаузетдиновой. Адель признательна Вагазовой Дине, Малыхиной Свитлане и Фаузетдиновым Найле и Рамилю за их время, помощь, критику и внимательность.

Формат нашего проекта был вдохновлён некоммерческим литературным журналом «One Story» (www.one-story.com), публикующим новый рассказ каждые три недели.

Бостонский книжный фестиваль
32R Essex St., Suite 5
Cambridge, MA 02139
www.bostonbookfest.org

Основатель и исполнительный директор:

Дебора З. Портер

Заместитель директора: Нора Пиель

Директор по операциям: Сара Паркер

**Менеджер проекта Один город – один
рассказ:** Мэделин Нимэн

Комитет проекта Один город – один рассказ:

Алисия Энстед, Калли Кросли, Бриджет Гилдеа,
Уильям Гиральди, Хенриет Лазаридис, Ладет
Рандольф и Кристина Томпсон.

Рецензенты: Элайза Бердсай, Марк Кроун,
Ники Мэрион, Шейла Скотт и Эйприл Уан.

Более подробную информацию о группах
для обсуждений, встречах, переводах и нашем
литературном конкурсе Один город – один
рассказ вы можете найти на нашем сайте [www.
bostonbookfest.org/one-city-one-story](http://www.bostonbookfest.org/one-city-one-story).

OCTOBER 28, 2017
COPLEY SQUARE

WWW.BOSTONBOOKFEST.ORG

BookBub